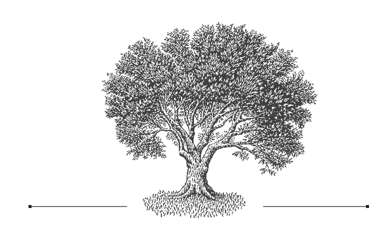

История семантики праславянских лексем *edinъ и *samъ

History of the Semantics of the Proto-Slavic Lexemes *Edinŭ and *Samŭ

Михаил Николаевич Саенко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Mikhail N. Saenko
Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Согласно наиболее обоснованной точке зрения, в праиндоевропейском языке *sem- означало ‘unus’, а *Hoi̯H- — ‘solus’. В статье подробно разбираются аргументы за и против такой гипотезы. В праславянском мы наблюдаем распределение, обратное праиндоевропейскому: *samъ, опосредованно восходящее к *sem-, значило ‘solus’, а *edinъ, продолжающее *Hoi̯H-, имело значение ‘unus’. В данной статье рассматривается, как именно в праславянском *somHos (> *samъ) ‘idem’ расширило значение сначала на ‘ipse’, а затем на ‘solus’. Хотя в индоевропейских языках более распространённой является противоположная ситуация (‘ipse’ приобретает значение ‘idem’), определённую параллель для такого перехода мы находим в истории древнегреческого αὐτός.

Ключевые слова

праславянский язык, праиндоевропейский язык, числительные, местоимения

Abstract

According to one of the most well-founded hypotheses, in the Proto-Indo-European language *sem- meant ‘unus,’ whereas *Hoi̯H- meant ‘solus.’ In this article arguments for and against this hypothesis are examined in detail. In Proto-Slavic the reverse distribution is observed: *samъ, indirectly originating from *sem-, meant ‘solus,’ whereas *edinъ, going back to *Hoi̯H-, meant ‘unus.’ This article is an attempt to determine how *somHos (> *samъ) ‘idem’ in Proto-Slavic extended its

meaning first to 'ipse' and then to 'solus' and to analyze exactly how it happened. Although for the Indo-European languages the reverse situation is more common ('ipse' acquires the meaning 'idem'), a similar pattern for such a shift in meaning can be found in the history of Ancient Greek *αὐτός*.

Keywords
Proto-Slavic, Proto-Indo-European, numerals, pronouns

1. Данная статья ставит перед собой задачу описания процесса изменения семантики праславянских лексем *edinъ 'unus' и *samъ 'idem, solus, ipse', история которых неотделима друг от друга.

Поскольку эти слова были многозначны, то для корректного решения поставленной задачи нам понадобится нечто вроде семантической карты, включающей в себя сферу основных значений этих лексем. При составлении такой карты мы будем применять следующий формальный критерий: выделение оппозиции значений проводится только в том случае, если в каком-нибудь языке данная оппозиция выражается в противопоставлении отдельных лексем [Ельмслев 2006: 75–78] (графическое представление см. в [Haspelmath 2014: 237–238]).

Классификация значений, полученная при помощи такого метода, является более объективной, чем классификации, построенные на менее строгих основаниях и вследствие этого имеющие значительный элемент произвольности.

Для построения карты привлекались данные польского, чешского, болгарского, литовского, латышского, французского, итальянского, английского, немецкого, финского и венгерского языков. Использовались материалы двуязычных словарей, а также параллельных текстов (современных переводов Библии и параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка).

Поскольку для целей данной статьи такая семантическая карта является вспомогательной, мы выстроили лишь упрощённую модель, учитывающую только самые базовые значения и не принимающую во внимание многие нюансы. Так, классификации значений русского *сам* могут быть очень сложными и охватывать множество значений [Борисова 1990: 118–119; Кибрик, Богданова 1995; Кибрик 1996; Янко 2001: 286–287], то же относится и к его аналогам в других языках, однако нас в данном случае интересует только прототипическая для данного слова группа значений.

Согласно полученным данным, русскому *один* соответствуют следующие значения: 1) указание на количество предметов (*У тебя два яблока или одно?*); 2) неопределённое местоимение (*Он встретил одного*

друга); 3) определительное местоимение (*Они живут в одном* (*и том же*) *доме*); 4) показатель единичности субъекта, о котором идёт речь, причём здесь следует выделить три подзначения: 4а) других сущностей, кроме субъекта, нет (*Он живёт один*), 4б) других сущностей, кроме субъекта, нет (*У них* [*в семье*] *одни мальчики*), 4в) другие сущности есть, но выбрана данная (*Только он / один он может сделать это*).

Русскому *сам* соответствуют такие значения: 5а) = 'лично' ([*В прошлый раз он попросил друга, теперь*] *он сделал это сам*); 5б) = 'без чужой помощи' ([*В прошлый раз ему помогли, теперь*] *он сделал это сам*); 5в) = 'по своему желанию' ([*В прошлый раз его заставили, теперь*] *он сделал это сам*).

Таблица 1. Соответствия русским лексемам *один* и *сам* в некоторых европейских языках

	рус.	пол.	чеш.	болг.	лит.	лтш.
1	один	jeden	jeden	един	vienas	viens
2	один	jeden	jeden	един	vienas	viens
3	один (и тот же)	jeden	jeden / stejný	един (и същ)	vienas (ir tas pats)	viens (un tas pats)
4а	один	sam	sám	сам	vienas	viens (pats)
4б	один / только	sam / tylko	sám	само	(tik) vienas / tik	viens / vien
4в	один / только	jeden / tylko	jediný / jenom	само	(tik) vienas / tik	viens pats
5а	сам	sam	sám	сам	pats	pats
5б	сам	sam	sám	сам	pats	pats
5в	сам	sam	sám	сам	pats	pats
	фр.	ит.	англ.	нем.	фин.	венг.
1	un	uno	one	ein	yksi	egy
2	un	uno	one	ein	yksi / eräs	egy
3	le même	lo stesso	one / the same	ein / derselbe	yksi / sama	egy
4а	seul	solo / da solo	alone / by oneself	allein	yksin	egyedül
4б	seul	solo	only	nur	yksin / ainoastaan	egyedül
4в	seul	da solo	alone / only	allein / nur	ainoastaan	egyedül / csak
5а	même	stesso	oneself	selbst	itse	maga
5б	même	da solo/da sé	oneself	selbst	itse	maga
5в	même	da sé	oneself	selbst	itse	maga

Как видно из таблицы, значения 5а–в часто характеризуют одно и то же слово, из выбранных языков только итальянский использует разные лексемы (литературный синоним слова *stesso* — *medesimo* французского происхождения [Ратота 2002: 138] не учитывался). Далее мы увидим, что это немаловажно для понимания сдвигов в семантике интересующих нас праязыковых лексем.

2.1. Для праиндоевропейского традиционно реконструируются два корня со значением «один»: *sem- и *Hoi̯H-. Первый в основном значении 'один' сохранился только в греческом (εἷς 'один' (< *sems), gen. ἑνός; μία 'одна' (< *smih$_2$), gen. μιᾶς; ἕν 'одно' (< *sem), gen. ἑνός [Beekes 2010: 394]), армянском (*mi* 'один' (изначально форма ж. р.) [Martirosyan 2010: 467–468]) и тохарском (тох. B *ṣe* 'один, тот же самый', тох. A *ṣa-* выступает только в словосложениях), при этом в тохарском формы косвенных падежей образованы от основы *som- [Adams 2013: 721–722]. Против реконструкции nom. sg. masc. в виде *sḗm [Ringe 2006: 52–53] или *sōm [Matasović 1997: 171] с законом Семереньи говорит греческая форма.

Второй корень (варианты реконструкции: *oinos [Семереньи 2002: 237]; *oy-k^{w}o- [IEN 1992: 370]; *oj-no-, *oj-ko-, *oj-wo- [Watkins 1998: 67]; *Hoi(H)nos [Beekes 2011: 237]; *h$_1$oi-no-s [Adams, Mallory 2006: 308]; *h$_1$oy [Blažek 1999: 157]; *h$_3$eyno- [Matasović 2009: 305]) в значении 'один' распространён значительно шире. Балто-славянский акут указывает на наличие второго ларингала. Р. Матасович считает, что этого основания недостаточно, однако развёрнутой аргументации не приводит [ibid.: 305]. Ф. Кортландт и Р. Дерксен здесь видят влияние форманта -ī́nas [Derksen 2015: 501].

В разных ветвях на эту основу были наращены три элемента: *-n- (греч. οἴνη / οἰνός 'очко на игральной кости», арх. лат. *oinos* 'один', пракельт. *oi̯nos 'один' [Matasović 2009: 304–305], прагерм. *ai̯naz 'один' [Kroonen 2013: 11], алб. *një* 'один' (< *ainja) [Orel 1998: 304–305], п.-сл. *edinъ, лит. *víenas*, лтш. *viẽns*, прус. *ains*); *-k- (др.-инд. *ékaḥ*) и *-w- (греч. οἶος 'один, единственный, одинокий', авест. *aēuuō* 'один' (< *ai̯wá- [ЭСИЯ, 1: 134–136]); санскр. *evá* 'так, едва, только, именно'). Существует вероятность, что этот корень присутствует и в анатолийской группе. Х. Айхнер считает, что хеттское '1' можно читать как *ā- (< *oyo- или *oiyo-). Другими авторами предлагается чтение *šanna- и *ašma- [IEN 1992: 34]. Хеттск. 1-anki 'однажды' Айхнер толкует как образованное от *ām (nom.-acc. n.) или от *ānt- [ibid.: 42–43]. Пухвел и Клукхорст читают его как *ānki* и возводят к *Hoi̯onki [Kloekhorst 2008: 181–182].

Имеется также и третий корень — *si-, восстанавливаемый на основании хеттск. *šia-* 'один' и гомеровского ἴα 'одна'. Р. Бекес полагает, что в прагреческом *sem было формой мужского рода, а *sih$_2$ — женского, и

приводит в качестве параллели санскритские формы дат. п. *tasmai* 'ему' и *tasyai* 'ей', где в элементах *-sm-* и *-sy-* он усматривает формы числительного 'один' [Kloekhorst 2008: 751]. Пино относит сюда же тохарские формы именительного падежа [Pinault 2006]. Если эта гипотеза верна, то *si- может быть раннепраиндоевропейским числительным 'один', впоследствие вытесненным новым корнем *sem-.

2.2.1. А. Мейе считал *sem- основным обозначением числа '1', а *oi- он приписывает прототипическое значение 'seul' [Meillet 1949: 410]. Эту гипотезу поддержал Арумаа [Arumaa 1985: 188–189]. К близкому, но не идентичному мнению склонялся О. Семереньи, рассматривавший *sem- как 'один' в значении совместности, единства, а *oi- как 'einzig, allein' [Семереньи 2002: 237]. Р. Коулман тоже полагает, что корень *oi- имел значение 'isolation, separateness', в то время как *sem- — 'inclusion, togetherness', а суффикс *-no-, по его мнению, обозначал 'completeness of a state' [IEN 1992: 389]. Э. Зилер присоединяется к этому мнению, постулируя основное значение *oy- как 'one-alone', а *sem- как 'one-together' [Sihler 1995: 388]. Д. Адамс также определяет *sem-s как 'united as one, one together', однако основным обозначением 'одного' в праиндоевропейском он считает *$h_1$oi- [Adams, Mallory 2006: 309–310]. В. Блажек проводит разграничение иначе: *sem- он определяет как 'one = unity, togetherness', а *H_1oy как 'one [of two]' [Blažek 1999: 157].

Очевидно, что некоторые из этих авторов смешивают 'один' как числительное, служащее для обозначения количества ("ты видишь там одну овцу или две?", значение 1 в нашей семантической карте), и 'один' как местоимение или прилагательное (значения 2–4). Даже если не выделять числительные в отдельную часть речи, как поступает ряд европейских грамматистов в отношении своих языков, нужно строго различать эти две вещи. Сложно себе представить, чтобы 'один' в плане количества обозначался двумя словами, различающимися семантически ('один-вместе' и 'один-порознь'). Как будет показано ниже, такое представление о семантике этих корней проистекает в первую очередь из дериватов, где подобная разница действительно возможна: ср. греч. μονό-πους 'одноногий' и ἀ-δελφός 'брат' (внутренняя форма: 'со-маточный', то есть вышедший из одной матки).

Таким образом, только одно из этих слов могло употребляться как числительное, а второе имело изначально какое-то другое значение, со временем его изменив.

В пользу большей архаичности корня *sem- приводят следующие аргументы: географическое распределение; бо́льшая морфологическая архаичность *sem-; бо́льшая распространённость *sem- в дериватах; этимологическая непрозрачность *sem- при наличии у *Hoi̯H- этимологии [Sihler 1995: 405].

2.2.2. Географическое распределение действительно говорит в пользу того, что в позднепраиндоевропейском в роли числительного ‘один’ скорее выступало слово *sems, а *Hoi̯Hs стало приобретать это значение уже на этапе распада праязыка, после чего заняло большую часть индоевропейского ареала, не сумев вытеснить старый корень только на двух не связанных между собой островках (греко-армянском и тохарском). Тем не менее теоретически такое распространение можно списать на независимые инновации в отдельных группах, поэтому большое внимание следует уделить и другим аргументам.

2.2.3. Атематическое склонение *sems, противопоставленное более новому тематическому склонению дериватов *Hoi̯H-, иногда рассматривается как показатель архаичности первого корня и инновативности второго [Sihler 1995: 405].

Однако есть все основания полагать, что *Hoi̯H- также изначально было свойственно именно атематическое склонение. Так, балто-славянская форма с другой ступенью аблаута (*ei̯nos) говорит о наличии в склонении *Hoi̯H- чередования по аблауту в корне, наиболее характерного именно для атематических основ. Перевод при помощи различных суффиксов из атематического склонения в тематическое при помощи различных суффиксов чрезвычайно распространён в индоевропейских языках как у существительных, так и у местоимений.

Параллель элементу *-u̯- обнаруживается в греч. μόνος ‘один’ < *monwos [Beekes 2010: 965–966] и греч. ὅλος, санскр. *sárvaḥ*, авест. *haurva*- ‘весь, целый’, тох. A *salu* ‘полный, полностью’, алб. *gjallë* ‘живой’ < *sol(H)u̯os, лат. *salvus* ‘целый, невредимый’ < *sl̥Hu-; с другими суффиксами: хеттск. *šalli*- ‘большой’ < *solH-i-, тох. B *solme* ‘полный, полностью’, хотанск. *harmä* ‘каждый, всякий’ < *solmos, лат. *sollus* ‘целый, полный’ < *sol(H)nos [Kloekhorst 2008: 709–711; ЭСИЯ, 3: 372–373; Beekes 2010: 1072; Orel 1998: 129–130; de Vaan 2008: 537, 571–572; Adams 2013: 771]. Форму *solh$_2$wos Бекес считает вторичной тематизацией *solh$_2$-u- [Beekes 2010: 1072]. Ср. аналогичную тематизацию у праславянских существительных *doru > *derwo ‘дерево’ и *lendu > *lędwo ‘ляжка’, а также у лит. *leñgvas* ‘лёгкий’ вместо *lengus и жем. *tę́vas* ‘тонкий’ вместо *tinHus (оба прилагательных с вриддхированием корня) [Smoczyński 2007: 673].

Суффикс *-k- в праславянском активно использовался для образования диминутивов. Он же участвовал в тематизации атематических существительных и прилагательных: *āblu > *ablъko ‘яблоко’ (первоначально ‘яблочко’), *sirdi > *sьrdьko ‘сердце’ (первоначально ‘сердечко’), *sulni > *sъlnьko ‘солнце’ (первоначально ‘солнышко’), *inzūs > *ęzykъ ‘язык’, *ḱ(u)u̯ons (G. *ḱunes) ‘собака’ > *sou̯kā > *suka ‘сука’, *owis > *owikā > *owьka, *wl̥kʷiH > *wilkī > *wьlčika ‘волчица’; *česnъ (*-u-) >

*česnъkъ ‘чеснок’, а также *blizъkъ ‘близкий’ < *blei̯zus, *gladъkъ ‘гладкий’ < *glādus, *kortъkъ ‘короткий’ < *kortus, *lьgъkъ ‘лёгкий’ < *lingus, *mękъkъ ‘мягкий’ < *minkus, *nizъkъ ‘низкий’ < *nei̯zus, *ǫzъkъ ‘узкий’ < *onzus, *soldъkъ ‘сладкий’ < *soldus, *tьnъkъ ‘тонкий’ < *tinus и др.

Встречается в этой роли и суффикс *-n-: п.-сл. *sěnь < *skoHi- [Derksen 2008: 447]. Исходное праиндоевропейское существительное реконструируется как *skéh$_2$-ih$_2$ (gen. *skh$_2$-iéh$_2$-s) [Beekes 2010: 1351] или *sḱoih$_a$ (gen. *sḱiyéh$_a$s) [Adams 2013: 773]. Интересно, что к тому же корню, скорее всего, относится образование с элементом *-w-: лат. *scaevus* ‘левый’, греч. *σκαιός* ‘левый’ [de Vaan 2008: 541–542].

Любопытную параллель в использовании суффиксов *-w-, *-k- и *-n- демонстрируют производные от глагола *(H)rei̯H- ‘течь’: п.-сл. *rěka ‘река’, лат. *rīvus* ‘ручей’ [de Vaan 2008: 524–525], ср.-ирл. *rían* ‘море, океан’ < *rēnos [Matasović 2009: 309]. Если допустить, что в праиндоевропейском существовало атематическое существительное *(H)rei̯Hs ‘поток’, а суффикс *-k- в данном случае идентичен *-k-, о котором говорилось выше, параллель становится полной.

Эти данные позволяют предположить, что *Hoi̯H- первоначально изменялось по корневому типу с качественным аблаутом: nom. *Hoi̯Hs, gen. *Hei̯Hes. Затем эта основа была распространена при помощи суффиксов, использовавшихся для тематизации. Это хорошо объясняет высокую вариативность континуантов данного слова.

В качестве аналогии можно привести ситуацию из славянских языков: континуанты п.-сл. *tъ были всевозможными способами расширены в большинстве языков-потомков: русск. *тот*, укр., бел. *той*, с.-хр. *tâj*, болг. *той* ‘он’, *този* ‘этот’, чеш., слвц., польск., н.-луж. *ten*, в.-луж. *tón*. Если бы мы располагали данными только современных языков, восстановить исходную форму без внешнего сравнения было бы не так уж легко (правда, здесь бы нам помогли формы косвенных падежей). Расширению подверглись в ряде славянских языков и формы местоимения *wьxъ ‘весь’: болг. *всичкият* (опр. форма), польск. *wszystek*, чеш. *všechen*, *všecek* (в литературном языке сохраняется и *veš*), слвц. *všetok*, причём если в чешском старая основа сохраняется в косвенных падежах, то в польском и словацком наращение проникло во все падежные формы. Высокая вариативность расширений очень похожа на ситуацию с праиндоевропейским *Hoi̯H-.

Вероятно, ошибочной является гипотеза, при которой суффиксальные элементы сопоставляются с дейктическими элементами в иранских указательных местоимениях [ЭСИЯ, 1: 134–136], поскольку праиранские указательные местоимения (*ai̯-ša-, *ai̯-ta-, *ai̯-u̯a-, *ai̯-na- [Эдельман 1990: 56]) не вполне параллельны в этом отношении: указательного

местоимения с основой *k- или *kʷ- в праиндоевропейском не было, следовательно, санскритская форма остаётся необъяснённой.

Таким образом, бóльшая морфологическая архаичность является довольно слабым аргументом: если принять, что суффиксы *-n-, *-w- и *-k- служили для тематизации старой атематической основы, то *Hoi̯Hs оказывается ничуть не менее архаичным, чем *sems.

2.2.4. К этимологическому аргументу также следует отнестись с осторожностью: выведение *Hoi̯Hs из анафорического местоимения *Hi- (что подкрепляют наличием гомеровского ἴα ‘одна’ < якобы *HiH- [Sihler 1995: 405]) сталкивается с серьёзной трудностью в виде наличия в праформе второго ларингала. Сходство с анафорическим местоимением может быть и случайным, особенно если учесть наличие внешних параллелей в уральских и алтайских языках [Blažek 1999: 156]. Кроме того, как уже упоминалось выше, гомеровская форма может восходить к совсем другому корню.

2.2.5. Намного большее значение имеет распространение дериватов от корня *sem-, встречающихся практически во всех ветвях индоевропейской семьи, в том числе в виде изолированных реликтов.

Среди дериватов имеются как древние и широкораспространённые, так и новые, появившиеся уже после распада праиндоевропейского языка. Один из самых распространённых дериватов — местоимение *somHos (ларингал постулируется из-за отсутствия действия закона Бругмана в санскрите). Рефлексы в отдельных ветвях см. в 3.1.

Другие распространённые дериваты — с суффиксом *-ter-: греч. ἕτερος ‘другой, один (из обоих), тот или другой, кто-либо из обоих’ < *sm̥-tero- [Beekes 2010: 475]; др.-валл. *hanther* ‘середина, половина’ < п.-кельт. *santero- [Matasović 2009: 351]; готск. *sundro* ‘по одиночке, порознь’ < п.-герм. *sundra- (есть и альтернативная этимология) [Lehmann 1986: 329; Orel 2003: 386–387]; с суффиксом *-l-: лат. *similis* ‘похожий, подобный’ < *sm̥h_2-el-i- [de Vaan 2008: 564–565], греч. ὁμᾰλός ‘равнинный, ровный’ < *semh_2-l- [Beekes 2010: 1074–1075], п.-кельт. *samali- ‘сходство’ (др.-ирл. *samail* ‘похожий’) < *sm̥$h_2$eli- или *sem$h_2$li- [Matasović 2009: 320].

Возможно, сюда же относится форма *sēmi, которую, как правило, возводят к loc. sg. от *sems: санскр. *sāmí-* ‘полу-’ [Mayrhofer, 2: 725]; лат. *sēmi-* ‘полу-’, греч. ἡμι- ‘полу-’; п.-герм. *sēmi- > двн. *sāmi-*, д.-англ. *sām-* ‘полу-’ [Orel 2003: 328]. Де Ван предполагает сдвиг значений ‘в одном’ > ‘один из двух’ > ‘полу-’ [de Vaan 2008: 553]. Бекес считает, что первоначальным значением было ‘в одной части (из двух)’ [Beekes 2010: 519–520]. Айхнер полагает, что первичным значением было ‘belonging to a unity, forming a whole’ (ступень долготы он объясняет двойным вриддхированием:

*sm- ‘one’ > **semó- ‘unit’ > *sēmí- ‘forming a unit’) [IEN 1992: 63]. Гамкрелидзе и Иванов видят в *-i- не окончание местного падежа, а тематический элемент прилагательного при словосложении [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 843]. Зилер отрицает связь этих двух корней и выводит *sēmi из *seh₁mi- [Sihler 1995: 406–407].

Новые дериваты: лат. *semper* ‘всегда’ < *sm̥-per [de Vaan 2008: 553]; лат. *simplex* ‘простой’ < *sm̥-plak- [ibid.: 553]; лат. *simplus* ‘простой’ < *sm̥-plo- [ibid.: 553]; лат. *semel* ‘однажды, один раз’ < *sm̥-mēlom [Sihler 1995: 406]; лат. *sincērus* ‘настоящий, неподдельный, подлинный’ < *sm̥-keh₂i-r/so- ‘целый’ [de Vaan 2008: 565]; готск. *simle* ‘однажды’ < *semlom [Lehmann 1986: 304]; готск. *sinteins* ‘ежедневно’ < *sem-dey-no- [ibid.: 305]; санскр. *sakŕ̥t* ‘один раз’, ав. *hakərət̰* ‘один раз’ < *sm̥-k(w)r̥t- [Mayrhofer, 2: 683]; греч. ἅπαξ ‘один раз, однажды’ < *sm̥- + *peh₂ĝ- (πήγνῡμι ‘вонзаю, всаживаю, втыкаю’) [Beekes 2010: 113].

Сюда же относятся балто-славянские префиксы со значением совместности: прусск. *sen*-, лит. *sán-/sám-/są́*-, прасл. *sǫ-/*sъn-, которые соответсвуют ведическому предлогу *sam*: ***sam*** *uṣadbhir ajāyathāḥ* (Ригведа I: 6, 3) “**Вместе** с зорями ты родился” [Елизаренкова, 1: 9]; ***sam*** *māgne varcasā sṛja* ***sam*** *prajayā* ***sam*** *āyuṣā* (Ригведа I: 23, 24) “**С** блеском меня соедини, **с** потомством, **с** долгой жизнью!” [ibid.: 28].

В хеттском данный корень сохранился в виде частицы -(*š*)*šan* < *som, выражающей нахождение сверху чего-то, вблизи чего-то и употребляющейся в обозначениях счёта или измерения [Kloekhorst 2008: 718]. Айхнер также возводит к этому корню хеттск. *šanai- / šani-* ‘one and the same, a single one’ [IEN 1992: 45–46], что оспаривается Клукхорстом [Kloekhorst 2008: 722–723].

Представление о *sem-, выражающем совместность, единство, базируется именно на префиксе *sm̥-, поэтому важно отметить, что имеются примеры, в которых *sem-/*sm̥- выступает в значении раздельной единичности, например, санскр. *sahásram* ‘тысяча’, ав. *hazaŋra-* ‘тысяча’ < *sm̥ ĝʰéslom ‘одна тысяча’[1] [Mayrhofer, 2: 719–720]; лат. *mīlle* ‘тысяча’ < *smih₂ ĝʰeslih₂ [de Vaan 2008: 379–380] при греч. χίλιοι ‘тысяча’ < ĝʰeslo- [Beekes 2010: 1633–1634]. Другим ярким примером является лат. *singulus* ‘одиночный, единичный, отдельный, единственный’ < *sem-go-lo- [Walde, Hoffmann 2: 544], где значение ‘совместной’ единичности совершенно не просматривается.

Это позволяет считать, что исконным числительным ‘1’ было именно *sems, а *Hoi̯Hs имело некое близкое к нему значение. Позднее *Hoi̯Hs вытеснило *sems в значении ‘1’ в большинстве ветвей, кроме греческой,

[1] Впрочем, здесь возможна и альтернативная трактовка: не ‘одна тысяча’, а ‘целая тысяча’.

тохарской и армянской, однако *sems широко сохранилось в виде дериватов.

Следует отметить, что в ситуации, когда на роль праиндоевропейского ‘один’ претендует целых два хорошо засвидетельствованных кандидата, причём восстанавливается картина замещения одного из них другим, было бы ошибочным отказывать праиндоевропейскому в существовании числительного ‘один’ вовсе, как это делает Мажюлис [1956: 54], а также Гамкрелидзе и Иванов [1984: 843–844].

2.3. Важно, что в греческом сохраняются оба корня. В Илиаде мы встречаем противопоставление εἷς ‘один’ (значение 1) — οἶος ‘один’ (значения 4а–4в), переносимое Мейе на праиндоевропейский уровень.

Примеры на первое значение: αὐτὰρ ἐμοὶ γέρας αὐτίχ᾽ ἑτοιμάσατ᾽ ὄφρα μὴ **οἶος** // Ἀργείων ἀγέραστος ἔω, ἐπεὶ οὐδὲ ἔοικε “Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском // Я без награды **один** не останусь: позорно б то было” (перевод Н. И. Гнедича) — “But provide me with a prize of honour forthwith, lest I **alone** of the Argives be without one, since that would not be proper” (перевод О. Мюррея) (Илиада I: 118–119); οὐκ **οἶος**, ἅμα τῷ γε Λεοντεὺς ὄζος Ἄρηος // υἱὸς ὑπερθύμοιο Κορώνου Καινεΐδαο “Он предводил не **один**, но при нем Леонтей бранодушный, // Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына” — “Not **alone** was he, but with him was Leonteus, scion of Ares, the son of Caenus’ son, Coronus, high of heart” (Илиада II: 745–746).

Примеры на значение 4а–в: στῆ δ᾽ ὄπιθεν, ξανθῆς δὲ κόμης ἕλε Πηλεΐωνα // **οἴῳ** φαινομένη τῶν δ᾽ ἄλλων οὔ τις ὁρᾶτο “Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида, // **Только** ему лишь явленная, прочим незримая в сонме” — “She stood behind him, and seized the son of Peleus by his fair hair, appearing to him **alone**” (Илиада II: 197–198); πολλάκι γάρ σεο πατρὸς ἐνὶ μεγάροισιν ἄκουσα // εὐχομένης ὅτ᾽ ἔφησθα κελαινεφέϊ Κρονίωνι // **οἴη** ἐν ἀθανάτοισιν ἀεικέα λοιγὸν ἀμῦναι “Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал, // Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак, // Ты из бессмертных **одна** отвратила презренные козни” — “For often I have heard you glorying in the halls of my father, and declaring that you **alone** among the immortals warded off shameful ruin from the son of Cronos, lord of the dark clouds” (Илиада I: 396–398).

После распада праязыка в отдельных группах стали возникать новые слова для обозначения ‘alone’. Сюда относятся греческое μόνος < *mónwos < *men- ‘маленький’ [Beekes 2010: 965–966]; алб. *vetëmë* ‘alone’ < *vetë* ‘сам’ (< *swe-) [Meyer 1891: 468]; класс. арм. *miaynak* ‘alone’ < *mi* ‘один’ [Martirosyan 2010: 467].

В латыни появилось слово *sōlus*, образованное от того же корня *sl̥H-, что *sollus* ‘целый, полный’ и *salvus* ‘целый’ [de Vaan 2008: 573]. В языке

Плавта *solus* употребляется в значении 4а, при этом в значениях 4б–в используется *unus*: *hic **soli** sumus* “мы **одни**” (Poenulus, 891); *PAMPH. **Solus** cenabo domi? GEL. Non enim **solus**: me vocato* “ПАМФИЛИПП: **Одному** обедать дома? ГЕЛАСИМ: Нет, не **одному**: меня пригласи” (Sticchus, 599–600); *est illic mi **una** spes cenatica* “надежда на обед **одна** мне там” (Captivi, 496); *Te **unum** ex omnibus amat* “Тебя она **единственного** любит” (Truculentus, 186). Немаловажно, что у Плавта *solus* употребляется также в значении 5б: *dimidiam partem nationum usque omnium subegit **solus** intra viginti dies* “И половину всех как есть народностей — за двадцать дней все это покорил **один**” (Curculio, 447–448).

В готском *ains* употребляется и как числительное и как местоимение (в значениях 4а–в): *Jah anaks insafƕandans ni þanaseiþs Iēsu **áinana** miþ sis* [Wright 1966: 246] “καὶ ἐξάπινα περιβλεψάμενοι οὐκέτι οὐδένα εἶδον ἀλλὰ τὸν ἰησοῦν **μόνον** μεθ᾽ ἑαυτῶν” — “И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме **одного** Иисуса” (Мк 9:8); *nibái kaúrnō ƕáiteis gadriusandō in aírþa gaswiltiþ, silbō **áinata** aflifniþ* [ibid.: 279] “ἐὰν μὴ ὁ κόκκος τοῦ σίτου πεσὼν εἰς τὴν γῆν ἀποθάνῃ, αὐτὸς **μόνος** μένει” — “если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется **одно**” (Ин 12:24). Позднее в германских языках появился новый способ выражения значения *solus* — из словосочетания ‘весь один’: нем. *allein*, датск. *alene*, англ. *alone*.

В древнеирландском *oín/óen* также употребляется не только как числительное, но и в значениях 4б–в, ср.: *Mad uathad dochanat form, // ní airfitiud nach n-**oen**chorn* “Wenn es wenige sind, die für mich ertönen, // **ein einzelnes** Horn ist kein Ergötzen!” — “Few make music here for me, // Joy I’ve none in **single** horn”; *Senfocul so srethaib cland, // ni lassamain cech n-**oen**chrand* “Ein altes Wort dieses in Reihen von Geschlechtern: // Kein Flammen jedes **einzelne** Scheit!” — “This old saying, ages old: // **Single** log gives forth no flame” [Windisch 1905: 320–321; Dunn 1914: 173]. В значении 4а употребляется словосложение *óenar* ‘один человек’: *M’**oenurán** dam ar eitib // acht nis leicim nis étaim, // atu im ulc, nim fuil im maith, // m’**oenur** dam ar ilathaib* “**Allein** muss ich sein bei den Herden, // lass ich sie auch nicht, so bekomme ich sie (doch auch) nicht! // Es geht mir schlecht, nicht geht es mir gut, // **allein** ich an den vielen Furten!” — “I **alone** these cattle guard, // Leave them not, yet hold them not. // Ill my plight, no hope for me, // Thus **alone** on many fords!” [Windisch 1905: 320–321; Dunn 1914: 173].

Напротив, в Ригведе, как кажется, все значения выражаются словом *ekaḥ*: *ko asya śuṣmaṃ taviṣīṃ varāta **eko** dhanā bharate apratītaḥ* (Ригведа V: 32, 9) “Кто удержит его ярость, (его) силу? // Тот, кому нет равных, **один** уносит награды” [Елизаренкова, 2: 33]; *ya **ekaś** carṣaṇīnāṃ vasūnām irajyati indraḥ pañca kṣitīnām* (Ригведа I: 7, 9) “Кто **один** над людьми, //

Над богатствами царствует, // Индра — над пятью поселениями (племен)" [ibid., 1: 11]; *sthiram manaś cakṛṣe jāta indra veṣīd* ***eko*** *yudhaye bhūyasaś cit* (Ригведа V: 30, 4) "Едва родившись, ты закалил (свой) дух, о Индра. Ты стремишься **один** побороть даже превосходящих (врагов)" [ibid., 2: 30].

В прабалтославянском *ói̯nos, как и в большинстве других ветвей, вытеснило *sems в качестве числительного, при этом в праславянском и правосточно-балтийском в корне была обобщена ступень аблаута *'e'*.

В литовском и латышском *víenas* и *viens* используются во всём спектре значений 1–4. Однако для позднего праславянского слову *edinъ можно приписывать только значение 'one', в качестве 'alone' служило слово *samъ, производное от корня *sem-, то есть в праславянском корни *sem- и *Hoi̯H- как будто поменялись местами.

3.1. Праиндоевропейское *somHos хорошо представлено в различных ветвях: тох. B *somo* 'одну' (acc. sg. f.), *ṣeme* 'одного' (acc. sg. m.) [Adams 2013: 722]; санскр. *samáḥ* 'равный, одинаковый, подобный'; ав. *hama-* 'тот же самый' [Mayrhofer, 2: 733]; греч. ὁμός 'один и тот же, одинаковый, равный, общий, один' < *som-h_2-ó- [Beekes 2010: 1079]; п.-герм. *sama(n)- > готск. *sama*, д.-сканд. *samr*, *sami*, д.-в.-н. *samo* (все означают 'тот же самый') [Lehmann 1986: 294–295; Orel 2003: 317–318; Kroonen 2013: 425], дериват: *samjanan > готск. *samjan* 'стараться угодить', д.-сканд. *semja* 'приводить в порядок; расставлять' [Lehmann 1986: 295; Orel 2003: 317]; п.-кельт. *somo- > др.-ирл. -*som* эмфатическое местоимение 3-го лица [Matasović 2009: 351]; прасл. *samъ 'сам, один'. Сюда же относится *sm̥Hos > п.-герм. *suma- > гот. *sums*, д.-сканд. *sumr*, д.-анг. *sum*, д.-в.-н. *sum* (все означают 'some(one)') [Lehmann 1986: 328–329; Orel 2003: 385–386; Kroonen 2013: 491], санскр. *samaḥ* 'каждый, любой' [Mayrhofer, 3: 436–437]. Зилер рассматривает эту форму как тематизацию двойственного числа (*semh_1) от *sem- с этимологическим значением 'пара' [Sihler 1995: 406]. Наличие этих слов заставляет Гамкрелидзе и Иванова считать, что числительное *sems — местоименного происхождения [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 842–843]. Однако куда вероятнее, что производно именно местоимение, имеющее в своём составе суффикс.

В чешском "Этимологическом словаре славянских языков" *samъ пытаются вывести из праиндоевропейского *s(e)w(o) [ESSJ, 2: 594], однако при наличии хорошо реконструирующегося *somHos и выводимости значений 4 и 5 из 3 (см. ниже) такая этимологизация является избыточной.

По всей видимости, исходным значением *somHos было 'тот же самый, одинаковый, равный' (значение 3). Об этом говорит схожее употребление этого слова в Ригведе и у Гомера: ***samau*** *cid dhastau na* ***samaṃ***

viviṣṭaḥ ***sam****mātarā cin na* ***samaṃ*** *duhāte yamayoś cin na* ***samā*** *vīryāṇi jñātī cit santau na* ***samam*** *pṛṇītaḥ* (Ригведа X: 117, 9) "Две руки, хоть и **одинаковы**, не делают **одинаковой** работы. Две коровы, хоть и от **одной** матери, не**одинаково** доятся. Даже у близнецов силы не **одинаковы**. Не**одинаково** дарят двое даже кровных родных" [Елизаренкова, 3: 175]; οὐ γὰρ πάντων ἦεν **ὁμὸς** θρόος οὐδ' ἴα γῆρυς, // ἀλλὰ γλῶσσα μέμικτο, πολύκλητοι δ' ἔσαν ἄνδρες "крик сей и звук их речей не у всех **одинаковы** были, // но различный язык разноземных народов союзных" — "for they had not all like speech or one language, // but their tongues were mingled, and they were a folk summoned from many lands" (Илиада IV, 437–438); ἦ μὰν ἀμφοτέροισιν **ὁμὸν** γένος ἠδ' ἴα πάτρη, // ἀλλὰ Ζεὺς πρότερος γεγόνει καὶ πλείονα ᾔδη "Оба они и единая кровь и **единое** племя; // Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал" — "Both the twain verily were of **one** stock and of one parentage, but Zeus was the elder born and the wiser" (Илиада XIII, 354–355).

Параллели для такого словообразования мы находим не только в русск. 'один' > 'одинаковый', но и в лтш. *viens* 'один' > *vienāds* 'одинаковый, равный'.

В "Этимологическом словаре славянских языков" слову *samъ пытаются приписать конкретное значение 'человек (как член семьи)' [ESSJ, 2: 594], однако у такой этимологизации нет никаких фактических оснований (значение 'глава семьи, муж' у *samъ явно вторично).

Фонетически *samъ (< *sōmos) выводится из *somHos с точностью до вокализма корня. При этом в авестийском наряду с *hama-* мы находим также вариант *hāma-* [Bartholomae 1904: 1803]. Существует мнение, что долгота в авестийском может быть ошибочным чтением графики среднеперсидских писарей [Machek 1968: 537; de Vaan 2003: 71]. Даже если согласиться с этим спорным утверждением, мы всё равно должны будем постулировать для праиндоиранского дублетную форму с долгим вокализмом из-за пали *sāmaṁ* 'сам', панджаби *sāvā̃*, *sāmā̃* 'равный, ровный', фарси *hāmūn* 'равнина' [Mayrhofer, 3: 437]. Таким образом, долгий гласный в п.-сл. *samъ появился ещё в допраславянскую эпоху.

3.2. В праславянском данное слово должно было расширить сферу своего значения с 3 на 4 и 5. Так, в "Этимологическом словаре украинского языка" предлагают следующую цепочку изменений: подобный > такой же > не иной > не другой > именно этот > только этот > один, сам [ЕСУМ, 5: 171]. Однако подобную цепочку можно придумать для любых двух произвольно взятых слов, и реконструкция праязыковой семантики, конечно, должна осуществляться на более строгих основаниях.

Если же попытаться доказать возможность такого сдвига данными других языков, то мы столкнёмся с тем, что очень часто встречается обратное расширение значений: ‘сам’ (значение 5) > ‘тот же самый’ (значение 3). Например, во французском *même* означает ‘сам; тот же самый’, но первично значение ‘сам’, поскольку *même* восходит к нар.-лат. *metipsimus, производного от *metipse — сложения *met* ‘сам’ и *ipse* ‘сам’. То же относится и к итальянскому *stesso* ‘сам (5а); тот же самый’, этимологически *iste* ‘этот’ + *ipse* ‘сам’.

Параллель к расширению значения ‘сам’ (значение 5) > ‘один’ (значение 4а) мы также находим в английском, где *by oneself* ‘сам’ может употребляться в качестве синонима слова *alone*: *But Bosch said he was going* ***by himself*** *if Edgar didn’t come in* “Но Босх сказал, что если Эдгар не поедет, то он отправится туда **сам**” (M. Connelly, City Of Bones); *He mostly was* ***by himself*** “Он почти все время проводил **в одиночестве**” (M. Connelly, City Of Bones; цитируется по Национальному корпусу русского языка: http://ruscorpora.ru/).

Точкой перехода в случае с французским, вероятно, является значение 5а (= ‘лично’), а с английским — 5б (‘сам = без чужой помощи’).

Ещё один хороший пример мы находим в албанском: *vetëmë* ‘alone’ < *vetë* ‘сам’ (< *swe-) [Meyer 1891: 468].

Тем не менее определённую параллель праславянскому семантическому изменению можно найти в древнегреческом, в котором αὐτός означало ‘сам, один (alone), тот же самый’ (значения 5, 4, 3), в последнем случае с артиклем — ὁ αὐτός, стяжённая форма — αὑτός: ἀλγήσας ὀδύνῃσι, μέσῳ δ᾽ ἐνὶ κάββαλ᾽ ὁμίλῳ, // **αὐτὸς** δὲ κλάγξας πέτετο πνοιῇς ἀνέμοιο “змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья; // **сам** же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра” (Илиада XII: 206–207); Τυδεΐδης δ᾽ **αὐτός** περ ἐὼν προμάχοισιν ἐμίχθη “но Диомед, и **один** оставаясь, вперед устремился” (Илиада VIII: 99); οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλευσόμεθ᾽ **αὐτὰ** κέλευθα “но от судов не в устройстве мы **тем же** путем возвратимся” (Илиада XII: 225).

Данное слово возводят к слиянию αὖ ‘снова’ и τόν ‘это’ [Beekes 2010: 173]. Если эта этимология верна, то первоначальным значением данного слова должно было быть ‘тот же самый’, а ‘сам’ и ‘один (alone)’ появились позже. В таком случае, возможно расширение значения не только в направлении 5 > 4, 3, но и в обратном, что, по всей видимости, и произошло в праславянском.

3.3. Таким образом, для исследуемой группы значений в праиндоевропейском, прабалтийском и праславянском можно восстановить следующую картину:

Таблица 2. Соотношение праиндоевропейских, прабалтийских и праславянских слов для ‘unus’, ‘idem’, ‘solus’ и ‘ipse’

значения	поздне-праиндоевр.	прабалт.	позднепраслав.
1, 2	*sems	*ai̯nas ~ *ei̯nas	*edinъ
3	*somHos	*ai̯nas ~ *ei̯nas / *tas subas	*edinъ / *tъ samъ
4	*Hoi̯Hs	*ai̯nas ~ *ei̯nas	*samъ
5	*su̯e-	*subas	*samъ

При этом реконструируется следующая история семантических переходов:

а) В большинстве диалектов позднепраиндоевропейского континуанты *Hoi̯Hs расширяют сферу своей семантики, вытесняя *sems в значениях 1 и 2. Аналогичная инновация впоследствии произошла в русском, причём она носит не всеобщий характер: ‘сам’ в значении 4 фиксируется в русских говорах [СРНГ, 36: 72]. Поэтому стремления отказать слову *samъ в значении ‘solus’ [ESSJ, 2: 590; Rejzek 2001: 560–561] беспочвенны.

б) В праславянском *samъ расширяет значение с 3 на 5, а затем и на 4. Попытка перечисления значений *samъ в славянских языках сделана в [ESSJ, 2: 589–592].

в) В прабалтийском континуанты *somHos утрачиваются.

г) В восточно-балтийском инновативное *pats* (от *patis ‘хозяин’, ср. авест. x^vaēpati- ‘сам’ < *x^vai-pati- ‘сам (себе) хозяин’ [ЭСИЯ, 3: 427] и противоположное изменение у лат. *ipse* ‘сам’ > ‘сам, хозяин’) вытесняет старое *subas, восстанавливаемое на основании прусск. *sups* ‘сам, (тот же) самый’ [Stang 1966: 238] в значениях 3 и 5.

4. Заключение

Произведённый в статье анализ позволяет сделать следующие выводы:

а) Индоевропейский материал подтверждает предположение Мейе, согласно которому *sems изначально выступало в роли числительного ‘unus’, а *Hoi̯Hs было местоимением ‘solus’. Попытки приписать им значения вроде ‘one-alone’ и ‘one-together’ необоснованны и базируются на неполном учёте данных словообразования. Исконная семантика этих лексем сохранилась в древнегреческом. Впоследствии в большинстве ветвей индоевропейской семьи *Hoi̯Hs расширило свою семантику, вытеснив *sems в значении ‘unus’.

б) Есть основания полагать, что *Hoi̯Hs изначально было корневой основой с качественным аблаутом в корне.

в) Дериват *sems — *somHos первоначально означал ‘idem’. В праславянском он расширил своё значение на ‘ipse’ (где исконным было *su̯e-), а затем и на ‘solus’. Параллель для такого перехода мы находим в истории греческого αὐτός.

г) В прабалтийском *somHos, напротив, утратилось, зато в виде *subas сохранилось п.-и.-е. *su̯e ‘ipse’. Затем, уже в истории правосточнобалтийского, в этом значении возникло новообразование *pats.

Библиография

Борисова 1990
Борисова Е. Г., “Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении”, *Вопросы языкознания*, 2, 1990, 113–120.

Гамкрелидзе, Иванов 1984
Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс., *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, Тбилиси, 1984.

Елизаренкова, 1–3
Елизаренкова Т. Я., *Ригведа*, 1–3, Москва, 1999.

Ельмслев 2006
Ельмслев Л., *Пролегомены к теории языка*, Москва, 2006.

ЕСУМ, 1–6
Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Кибрик 1996
Кибрик А. Е., “Связанные употребления лексемы *САМ* (системно-когнитивный анализ)”, in: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*, Москва, 1996, 494–509.

Кибрик, Богданова 1995
Кибрик А. Е., Богданова Е. А., “Сам как оператор коррекции ожиданий результата”, *Вопросы языкознания*, 3, 1995, 28–47.

Мажюлис 1956
Мажюлис В. П., “Индоевропейская децимальная система числительных”, *Вопросы языкознания*, 4, 1956, 53–59.

Семереньи 2002
Семереньи О., *Введение в сравнительное языкознание*, Москва, 2002.

СРНГ, 1–48
Словарь русских народных говоров, 1–48–, Москва, 1965–2015–.

Эдельман 1990
Эдельман Д. И., *Сравнительная грамматика восточноиранских языков*, Москва, 1990.

ЭСИЯ, 1–4
Этимологический словарь иранских языков, 1–4–, Москва, 2000–2007–.

Янко 2001
Янко Т. Е., *Коммуникативные стратегии русской речи*, Москва, 2001.

Adams 2013
Adams D. Q., *A Dictionary of Tokharian B*, Amsterdam, New York, 2013.

Adams, Mallory 2006
Adams D. Q., Mallory J. P. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford, 2006.

Arumaa 1985
Arumaa P., *Urslavische Grammatik*, 3: *Formenlehre*, Heidelberg, 1985.

Bartholomae 1904
Bartholomae Chr., *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904.

Beekes 2010
Beekes R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.

——— 2011
Beekes R., *Comparative Indo-European Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 2011.

Blažek 1999
Blažek V., *Numerals*, Brno, 1999.

Derksen 2008
Derksen R., *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

Dunn 1914
Dunn J., *The Ancient Irish Epic Tale Táin Bó Cúalnge*, London, 1914.

ESSJ, 1–2
Etymologický slovník slovanských jazyků, 1–2, Praha 1973–1980.

Haspelmath 2014
Haspelmath M., "The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison," in: *The New Psychology of Language*, 2, Hove, 2014, 211–242.

IEN 1992
Indo-European Numerals, Berlin, New York, 1992.

Kloekhorst 2008
Kloekhorst A., *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

Kroonen 2013
Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.

Lehmann 1986
Lehmann W., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.

Machek 1968
Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.

Martirosyan 2010
Martirosyan H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2010.

Matasović 1997
Matasović R., *Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika*, Zagreb, 1997.

——— 2009
Matasović R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston, 2009.

Mayrhofer, 1–4
Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1956–1980.

Meillet 1949
Meillet A., *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris, 1949.

Meyer 1891
Meyer G., *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg, 1891.

Orel 1998
Orel V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln, 1998.

——— 2003
Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.

Patota 2002
Patota G., *Lineamenti di grammatica storica dell'italiano*, Bologna, 2002.

Pinault 2006
Pinault G.-J., "Retour sur le numéral «un» en tokharien," *Indogermanische Forschungen*, 111, 2006, 71–97.

Rejzek 2001
Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.

Ringe 2006
Ringe D., *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*, Oxford, 2006.

Sihler 1995
Sihler A., *New Comparative Grammar of Greek and Latin*, New York, Oxford, 1995.

Smoczyński 2007
Smoczyński W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.

Stang 1966
Stang Chr. S., *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, Oslo, Bergen, Tromsö, 1966.

de Vaan 2003
de Vaan M., *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York, 2003.

——— 2008
de Vaan M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden, Boston, 2008.

Walde, Hofmann, 1–2
Walde A., Hofmann J., *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 1–2, Heidelberg, 1938–1954.

Watkins 1998
Watkins C., "Proto-Indo-European: Comparison and Reconstruction," in: *The Indo-European Languages*, London, New York, 1998, 25–73.

Windisch 1905
Windisch E., *Die altirische Heldensage Táin Bó Cúalnge*, Leipzig, 1905.

Wright 1966
Wright J., *Grammar of the Gothic Language*, Oxford, 1966.

References

Adams D. Q., *A Dictionary of Tokharian B*, Amsterdam, New York, 2013.

Adams D. Q., Mallory J. P. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford, 2006.

Arumaa P., *Urslavische Grammatik*, 3: *Formenlehre*, Heidelberg, 1985.

Beekes R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.

Beekes R., *Comparative Indo-European Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 2011.

Blažek V., *Numerals*, Brno, 1999.

Borisova E. G., "The Communicative Structuring of the Utterance as Reflected in the Lexical Meaning," *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 1990, 113–120.

Derksen R., *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

Edel'man D. I., *Sravnitel'naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov*, Moscow, 1990.

Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs., *Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy*, Tbilisi, 1984.

Haspelmath M., "The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison," in: *The New Psychology of Language*, 2, Hove, 2014, 211–242.

Hjelmslev L. T., *Prolegomena to a Theory of Language*, Moscow, 2006.

Kibrik A. E., "Sviazannye upotrebleniia leksemy SAM (sistemno-kognitivnyi analiz)," in: *Rusistika. Slavistika. Indoevropeistika*, Moscow, 1996, 494–509.

Kibrik A. E., Bogdanova E. A., "Russian 'Sam' as an Operator of Correction of the Hearer's Expectations," *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 1995, 28–47.

Kloekhorst A., *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.

Lehmann W., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.

Martirosyan H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2010.

Matasović R., *Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika*, Zagreb, 1997.

Matasović R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston, 2009.

Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1956–1980.

Mažiulis V., "Indoevropeiskaia detsimal'naia sistema chislitel'nykh," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1956, 53–59.

Meillet A., *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris, 1949.

Orel V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln, 1998.

Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.

Patota G., *Lineamenti di grammatica storica dell'italiano*, Bologna, 2002.

Pinault G.-J., "Retour sur le numéral «un» en tokharien," *Indogermanische Forschungen*, 111, 2006, 71–97.

Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.

Ringe D., *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*, Oxford, 2006.

Sihler A., *New Comparative Grammar of Greek and Latin*, New York, Oxford, 1995.

Smoczyński W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.

Stang Chr. S., *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, Oslo, Bergen, Tromsö, 1966.

Szemerényi O. J. L., *Introduction to Indo-European Linguistics*, Moscow, 2002.

de Vaan M., *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York, 2003.

de Vaan M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden, Boston, 2008.

Walde A., Hofmann J., *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 1–2, Heidelberg, 1938–1954.

Watkins C., "Proto-Indo-European: Comparison and Reconstruction," in: *The Indo-European Languages*, London, New York, 1998, 25–73.

Wright J., *Grammar of the Gothic Language*, Oxford, 1966.

Yanko T. E., *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*, Moscow, 2001.

Михаил Николаевич Саенко, канд. филол. наук
Институт славяноведения РАН, научный сотрудник
Отдела славянского языкознания
11991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А
Россия/Russia
veraetatis@yandex.ru

Received June 3, 2016